

Глава 92. Искренность и эгоизм

Проанализировав ситуацию, Линь Сян верно угадал намерения дома Сяо. Однако он сложил всю вину на Сяо Тяньяо, а не на Линь Чуцзю.

Всё-таки Линь Сян просто не мог поверить в то, что у его глупой дочери могут быть такие мудрые мысли.

Видя, что Линь Сян продолжает неподвижно стоять, слуга решился осторожно подать голос: «Господин, ваша старшая мисс ждёт вас снаружи. Вы хотите её принять?»

«Какая старшая мисс? Называйте её принцессой Сяо!» – сказал Линь Сян, собравшись с мыслями. Но его лицо исказилось. Серьёзно, он не мог поверить, что принц Сяо так легко манипулирует его дочерью. Какая глупая девчонка! Он просто не мог смириться с тем, что у него такая тупая дочь.

«Да, да, принцесса Сяо все ещё снаружи. Мне пригласить её войти?» – деловито спросил слуга, низко опустив голову.

«Это необязательно», – Линь Сян расправил свою одежду и добавил: «Премьер-министр выйдет к ней лично. Но пока я говорю с ней, иди и скажи судье Шунь Тяню, чтобы он прислал сюда свои войска». Хотя была вероятность 9 из 10, что он не пришлет войска, Линь Сян все равно хотел попробовать сделать все, что в его силах.

Линь Сян уже собирался выйти, но тут к нему внезапно подошла мадам Линь.

«Что случилось, господин? Я слышала, Линь Чуцзю привела к нашему дому толпу людей, и они перегородили ворота. Что с ней такое?»

Лицо мадам Линь было печальным, а на её прекрасных глазах блеснули слёзы.

Поэтому Линь Сян попытался унять свой гнев и сказал:

«Не волнуйся. Все будет хорошо».

Линь Сян был главой семьи, так что, разумеется, он должен был разбираться с этими людьми у ворот. А женщинам нужно просто оставаться дома.

Но так как происходящее снаружи вселяло опасения, мадам Линь сказала:

«Дорогой, будь осторожен. У этой девчонки, Линь Чуцзю, нет сердца. С самого детства она приносит тебе одни неприятности. Так что тебе не стоит волноваться о ней, ведь она делает это нарочно». Мадам Линь намеренно пытается очернить Линь Чуцзю? Как бессердечно!

Но это было не совсем так. Потому что Линь Чуцзю в самом деле была виновата. Она правда хотела свергнуть своего отца с помощью Сяо Тяньяо.

Уголок рта Линь Сяна задергался, но он все равно кивнул и сказал: «Дорогая, не беспокойся, я знаю».

Услышав его ответ, мадам Линь отошла в сторону и дала ему пройти.

*

Линь Сян не хотел дать Линь Чуцзю больше поводов порадоваться. Поэтому он открыл лишь боковую дверь, а не главные ворота. Когда открылась боковая дверь, это не произвело никакого впечатления, в отличие от того, когда открылись ворота поместья Сяо. К тому же, когда Линь Чуцзю появилась в дверях поместья Сяо, она выглядела очень величественно. Но здесь, когда вышел Линь Сян, он казался совершенно обычным.

Однако, когда он увидел всех этих людей у ворот, у него разболелась голова. Люди на улице не могли дожидаться, что он заговорит, и закричали первыми.

«Премьер-министр Линь вышел!»

«Премьер-министр! Премьер-министр! Премьер-министр Линь!»

Толпа бунтующих выкрикивала его имя, но они не устраивали беспорядков. Да и сама Линь Чуцзю не делала ничего такого. Но другие люди на улице с любопытством на них смотрели.

Поместье Сяо находилось в столице империи. Там, где жили благородные семьи. Так что простому люду нельзя было туда ходить. К тому же, было известно, что принц Сяо очень строг, так что никто и не решался там показываться.

Однако с особняком Линь все было иначе. Хотя Линь Сян и был премьер-министром, их дому было далеко до дворянских поместий.

К тому же он находился в самой дальней части столицы. Так что их улица обычно была очень оживленной.

Линь Чуцзю привела сюда много людей. Точное их количество было неизвестно. Но так как у Линь Сяна был имидж утонченного и приветливого человека, люди его не боялись. В отличие от принца Сяо, который был величественным и могущественным.

Одни лишь эти черты характера Линь Сяна завоевали для него сердца простых людей. Но в данный момент Линь Сян ненавидел то, что называется «сердце».

«Тихо, пожалуйста, ведите себя тише», – слуга семьи Линь вышел вперед, чтобы навести порядок. Но так как от крика у него заболело горло, он едва смог успокоить простых людей.

И как это Линь Чуцзю удалось притащить всех этих людей сюда?

В этот момент все студенты покраснели от смущения. Они просто не смели поднять глаза. Потому что прямо сейчас в глазах других людей они явно выглядели ручными обезьянками. Может быть, они и были толстокожими, но они также и очень ценили свой статус студентов.

У стен дома Линь Линь Чуцзю уже не собиралась их контролировать. Поэтому, увидев, что Линь Сян вышел из дома, она сделала шаг вперед и сказала:

«Дочь приветствует отца».

«Принцесса Сяо слишком любезна. Мне уже страшно», – озабоченно сказал Линь Сян. И в ответ на приветствие Линь Чуцзю сказал: «Я очень рад видеть вас, Сяо Ванфэй».

Линь Чуцзю, естественно, продолжила ему подыгрывать и ответила: «Отец, право слово, не стоит. Пусть я теперь и принцесса Сяо, но я все еще твоя дочь. Так как же я могла не отдать дань уважения?»

Несмотря на их истинные чувства эти двое отлично справлялись. Так что, если бы кто-то видел их, то подумал бы, что они в самом деле любящие отец и дочь.

«Почему меня тошнит?» – проговорил стоявший в толпе Лю Бай. И в довершение своих слов прикрыл лицо рукой.

Лю Бая послали сюда, чтобы охранять Линь Чуцзю. Так что нравилось ему это или нет, он был обязан ее защищать. Он не мог допустить, чтобы Линь Чуцзю попала в беду.

В свою очередь Су Ча не мог не смеяться, наблюдая представление, которое разыгрывали Линь Чуцзю и Линь Сян. Он беспокоился, как бы Линь Чуцзю не пострадала. Но, похоже, если Линь Сян был старым лисом, то Линь Чуцзю была юной лисичкой.

Отец и дочь долго обменивались приветствиями. Со стороны они казались любезными родственниками. Но люди, знавшие правду, понимали, что это лишь лицемерная церемония.

Линь Сян вновь и вновь спрашивал о здоровье Линь Чуцзю, потому что он больше не знал, что сказать. Линь Чуцзю делала то же самое, спрашивая о домашних делах снова и снова, потому что не могла придумать другой темы для разговора.

Однако долго так продолжаться не могла. Потому что снаружи ждали люди.

Хотя есть такая поговорка, что «выигрывает тот, кто первый ходит», Линь Сян не хотел показывать, что спешит. Потому что он также верил и в поговорку «семь раз отмерь – один раз отрежь».

И так как Линь Сян не спешил, Линь Чуцзю атаковала первой.

Линь Чуцзю слышала, что, когда Линь Ваньтин была в поместье Сяо, ей стало плохо. Вспомнив об этом, Линь Чуцзю достала платок и промокнула глаза, хотя в них и не было слез.

«И как сестричка Ваньтин могла быть так неосторожна? Она что, не знала, что так недолго и шрам на лбу заработать? Она об этом совсем не переживает?»

Линь Чуцзю заговорила снова: «Хотя Ваньтин самом деле сама виновата, потому что она так неаккуратно ходит, мы с принцем Сяо не могли сидеть сложа руки. Так что мы попросили Божественного Доктора Мо осмотреть лицо Ваньтин. Мы также просили его дать ей какую-нибудь мазь. Ваньтин такая красивая, нельзя допустить, чтобы у нее остался шрам».

Когда Линь Сян услышал ее слова, его лицо исказилось. Все-таки он не мог поверить, что его старшая дочь не только глупа, но и остра на язык. Линь Чуцзю не только выдала всем, что на лице Линь Ваньтин может появиться шрам, но и попыталась повесить вину на нее.

На такое просто нечего было ответить!